

Н. Ю. Бринюк

**«...Сдавшимся в плен без боя обещано возвращение к мирной жизни...»,
Поволжье, 1918 г.: к вопросу о положении военнопленных
в Гражданской войне**

В статье исследуется положение военнопленных в начальный период Гражданской войны в Поволжье, состав действовавших войск и политика, проводимая командованием антисоветских вооруженных сил по отношению к пленным солдатам Красной армии.

Ключевые слова: военнопленные, военно-полевой суд, расстрел, В. О. Каппель, воззвание, сохранение жизни

Nadezhda Y. Brinyuk

**«...Surrendered in captivity without a fight're promised a return
to a peaceful life...», the Volga region, 1918:
to the question about the situation of prisoners of war in Civil War**

In the article studies the fates of prisoners of war in the early period of the Civil War in the Volga region, the manpower of troops and the policy which the anti-Soviet command had conducted in relation to the captured soldiers of the Red Army.

Keywords: prisoners of war, court-martial, execution by firing squad, V. O. Kappel', proclamation, preservation of life

С первых дней Гражданской войны обнаружился сильнейший накал борьбы между ее участниками. Вспыхивавшие в конце 1917 – начале 1918 г. повсеместно на территории бывшей Российской империи вооруженные конфликты, которые впоследствии разрослись до масштабов всеобъемлющей войны, показали, что попавшему в плен врагу не давалось пощады. Однако жестокость не являлась единственной причиной уничтожения военнопленных. Захваченных живыми солдат противника убивали еще и потому, что содержать их было невозможно: сражались небольшие отряды, не имевшие тылов и вынужденные совершать частые передвижения.

Среди участников войны не существовало понимания масштаба и сложности начинавшегося противостояния, которое придет позднее, когда массы военнопленных будут использоваться для пополнения армий. Безусловно, была сильна взаимная ненависть, усугублявшаяся «психопатологией стихийного массового садизма»; кроме того, оставленный в живых враг таил потенциальную опасность: если он не подвергался уничтожению, то не был и миролюбив. При перемене военного счастья он не упускал случая отомстить своему вчерашнему победителю.

В Поволжье война развернулась в первый месяц лета 1918 г. Импульсом для нее стал захват чехословацким корпусом г. Самары, где немедленно возникло эсеровское правительство (Ко-

митет членов Учредительного собрания – Комуч) и на добровольных основах началось формирование вооруженных сил Народной армии. Ожесточение с первых дней боевых действий в Поволжье было обоюдным, и военнопленных не брала ни одна, ни другая из сторон.

Красноармейцы, оставившие воспоминания о Гражданской войне на Волге, приписывали инициативу и, следовательно, вину в уничтожении военнопленных своим врагам. «Обычай не брать пленных, практиковавшийся в то время у обеих сторон, был вызван официальным заявлением белогвардейцев и чехов, переданным в наш штаб по телефону из Климовки, с копией председателю Самарского Ревкома, когда еще провод был цел, – о том, что пленных они брать не будут.

Ответственность за расстрелы пленных всецело ложится на чехословаков и белогвардейцев, первыми установивших у себя этот варварский обычай по отношению к нашим красногвардейцам и партизанам, которые, конечно, были озлоблены и, при первом удобном случае, платили тем же»².

Климовка – деревня на правом берегу Волги, расположенная в окрестностях г. Ставрополя Волжского. 30 июня 1918 г. она была захвачена отрядом Народной армии Комуча (Самарская добровольческая дружина, оренбургские казаки, – всего около 500 человек с конной артиллерией) под командованием подполковника генерального штаба Владимира Оскаровича

Каптеля. Боевые качества войск Красной армии были невысокими. После непродолжительного боя выбитые из Климовки красноармейцы поспешно погрузились на пароходы и бежали вверх по реке на с. Новодевичье.

Не менее шестидесяти красноармейцев, не успевших сесть на пароход, были отрезаны от путей отступления казачьим взводом хорунжего Юдина, который предложил начальнику отряда послать пехоту для их уничтожения³. Однако В. О. Каптель, сославшись на желание дать войскам отдых, не стал добывать противника: «Полагаю, что разбежавшиеся в лесу красные нам не причинят большого вреда, а гоняться за ними – сильно утомим людей»⁴. Этот эпизод свидетельствует, что уничтожению деморализованной живой силы противника В. О. Каптель придавал второстепенное значение.

Отряд остановился на ночлег в Климовке и ранним утром 1 июля был атакован неприятельским десантом, высадившимся с незаметно подошедшего к пристани парохода Красной волжской флотилии. Налет, совершенный бойцами знаменитого впоследствии советского командира Г. Д. Гая (Бжишкянц), по воспоминаниям одного из участников событий, был произведен имевшимися в его распоряжении шестью кавалеристами и десятью пехотинцами (остальные войска были деморализованы предшествовавшими боями и от участия в нем уклонились). Ввиду крайней незначительности сил нападавших предприятие было обречено на неудачу. Так и произошло: вовремя обнаруженный, десант «действиями частей отряда и огнем конной батареи был отброшен и поспешно ушел вверх на Новодевичье»⁵. Почти половина высадившихся в Климовке красноармейцев была уничтожена каптелевцами, а другие вернулись на корабль или рассеялись по окрестностям. Несмотря на то, что понесенные потери не оправдывались результатами набега, красные считали налет удавшимся⁶.

Каптелевцы потеряли лишь двоих человек пленными. Красноармейцам удалось захватить молодых добровольцев Федора Тихова и Василия Кузнецова, стоявших в охране на пристани. О каких-либо иных боевых потерях подполковник В. О. Каптель не сообщал, хотя в те дни докладывал в Самару обо всех погибших поименно. Известно, что накануне был убит в бою под Климовкой юнкер Лев Попов, имя которого командующий назвал в донесении самарскому штабу. Это была первая утрата отряда, только под Ставрополем начавшего серьезные боевые действия против большевиков.

Взятых в плен добровольцев красные увезли в Новодевичье и расстреляли, по словам со-

ветского участника событий, из мести за погибших в Климовке товарищей. Вероятно, одной из причин мщения были и массовые антисоветские настроения крестьян, уничтоживших 30 июня небольшой отряд красноармейцев в расположенной поблизости деревне Усолье.

2 июля, после боя, закончившегося освобождением от красных большого села Новодевичьего, трупы расстрелянных были найдены. Их доставили местные крестьяне, которые «рассказали, как вчера пришедшие из Климовки пароходы привезли двух наших добровольцев, бывших часовых на пристани, и как эти юноши были начальством отданы красным на самосуд»⁷. Выяснилось, что Ф. Тихов и В. Кузнецов перед казнью были подвергнуты истязаниям. Свидетельства об этом оставили участники событий, воевавшие в Среднем Поволжье против большевиков (артиллерийский офицер отряда капитан В. О. Вырыпаев, уполномоченный Комуца в Народной армии полковник В. И. Лебедев, квартирмейстер главного штаба в Самаре подполковник Г. К. Акинтиевский). Они вспоминали, что тела расстрелянных «были обезображены до неузнаваемости»⁸.

Трупы погибших были отправлены в Самару. В. О. Каптель не счел нужным передавать по телеграфу подробные сведения о случившемся; сообщил лишь, что добровольцы «были расстреляны красными в Новодевичье», и обратил внимание командования на необходимость их скорейшего погребения, так как, докладывал он, «тела их разлагаются»⁹.

В течение нескольких дней в газете «Вестник Комитета членов Учредительного Собрания» публиковалось объявление о вызове в следственные органы родственников добровольцев для опознания тел и очевидцев расправы для дачи показаний. «Бедных мальчиков отвезли в Самару. Вольский¹⁰ приказал опубликовать все подробности этого зверства во всенародное сведение, а товарищами их овладело дикое чувство ненависти...»¹¹.

Вероятно, общественный резонанс после обнародования обстоятельств убийства двух каптелевцев красноармейцами был достаточно широким, так как потребовал опубликования и версии противоположной стороны, которая появилась в советской печати уже после окончания боев на Волге, в 1920 г. Описание этого события было сделано одним из командиров красноармейских отрядов, вероятно, со слов исполнителей казни:

Напрасно я уговаривал пощадить пленных.

Их перевезли на самарский берег и поставили в поле поодиночке.

В последний момент один из них попросил разрешения продекламировать свои стихи, но ему было в этом отказано, так как **наши торопились** (выделено мной. – Н. Б.). Тогда он снял с шеи иконку и, став на колени, прочитал шепотом молитву, после чего с закрытыми глазами подчинился своей участи. Другой, не говоря ни слова, вынул кошелек с 6 рублями и отдал стоявшему рядом с партизанами мальчику, затем выпрыгнул и принял смерть с открытыми глазами. Одному пуля попала в грудь, другому – в лоб¹².

Такими мужественными, сумевшими достойно принять смерть героями изобразил противник молодых бойцов отряда В. О. Каппеля, которым вряд ли исполнилось в то время более 20 лет. Однако версию казни, предложенную советским участником событий и содержащую явные черты революционной романтики, нельзя признать правдоподобной.

Советский командир так и не смог привести доказательств, опровергающих факт истязаний пленных красноармейцами Г. Д. Гая. В качестве единственного контраргумента обвинениям противника он утверждал лишь, что лица, производившие расстрел, просто не могли совершить описанные зверства. «Зная их как испытанных революционеров, ни на минуту не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь из них был способен на подобное»¹³. По его словам, все обвинения красных в жестокости являлись злонамеренной ложью, имевшей целью натравить на коммунистов зажиточные слои населения. Советский мемуарист утверждал также, что ради преследуемой цели – дискриминации противника – «белые» в данном случае не погнушались умышленным изуродованием мертвецов. Однако при чтении версии краскома не может не возникнуть справедливого сомнения: если сила эмоций в отряде достигала такой степени, что расстрел захваченных добровольцев был инициирован потребностью отомстить, то почему мщение не могло побудить «испытанных революционеров» к тому, чтобы применить пытки?

Для чего торопившиеся красноармейцы перевозили приговоренных на другой берег Волги, а не пристрелили их здесь же, в Новодевичьем, также вызывает недоумение. Трупы были брошены без погребения. Через несколько часов, когда красное командование спохватилось, они уже исчезли: оказалось, что тела подобрали местные крестьяне, передавшие их после взятия Новодевичьего каппелевцам.

Указания на пытки, которым подвергались пленные в Красной армии, неоднократно встречаются в документах и мемуарах «белых». В августе 1918 г., когда развернулись бои за

Симбирск, В. О. Каппель получил донесение, что «в селе Кротовке 12 августа 1918 г. красноармейцы захватили двух раненых чехов и их одного сопровождающего, над ранеными издевались и зверски добились, сопровождающий будучи обезоружен был сильно избит прикладами и уведен красными»¹⁴. В. О. Вырыпаев вспоминал о подобном случае, имевшем место через год, в 1919 г., на реке Белой: «У раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...»¹⁵. Свидетельства о жестокости репрессий в отношении пленных можно обнаружить и в записках советских военных деятелей. Начальник одного из башкирских отрядов, красный командир Муса Муртазин, изображая бесчинства представителей советской власти и 1-й Красной армии Г. Д. Гая, писал, что перешедшие на сторону красных башкирские войска «коварным образом разоружались и **как пленные** (выделено мной. – Н. Б.) подвергались издевательствам, побоям, разувались, раздевались догола»¹⁶.

Г. К. Акинтиевский утверждал, что именно после инцидента в Новодевичьем в отряде В. О. Каппеля перестали брать пленных. Расправа над добровольцами послужила импульсом для всплеска антисоветских настроений в его рядах. Во время последующих боев красноармейцы уничтожались без различия степени их участия в военных действиях, а поскольку на стороне советской власти в июне – начале июля 1918 г. воевали добровольно вступившие в ряды Красной армии бойцы, все они автоматически получали статус «большевиков» – непримиримых врагов и преступников.

«Это были первые жертвы с нашей стороны, и люди поняли, чего им следует ждать от большевиков. С этого момента пленных большевиков не было. На мучения отвечать мучениями – не приходилось. Но все оказавшие сопротивление в бою и взятые после этого в плен большевики расстреливались беспощадно. Об этом не было отдано никакого приказа, и никто не уговаривался, но это понимал каждый, и это делалось само собою. Вопрос стоял так: если ты не уничтожен будешь мною сегодня, то ты меня уничтожишь завтра. К тому же, мы не первые начали это, да и при таком громадном превосходстве их сил над нашими, раздумывать нам не приходилось»¹⁷.

Командование, несомненно, разделяло общие настроения. Кроме того, даже в редких случаях, когда наиболее важных военнопленных целесообразно было бы оставить в живых и отправить в главный штаб для допроса, оно было вынуждено прислушиваться к требовани-

ям рядового состава. Такой ценой приобретался авторитет среди подчиненных, ведь начальник отряда, который носил немецкую фамилию и, следовательно, мог быть пособником «германо-большевиков», еще не пользовался у солдат полным доверием.

«Пленных не брали. Так, что даже когда сдался в плен начальник большевистского, так называемого Сенгилеевского фронта, бывший поручик Мельников, то он был расстрелян, по настоянию солдат, несмотря на то, что сдача его была добровольной. Иначе солдаты могли сказать, что подполковник Каппель делает разницу между большевистскими офицерами и солдатами»¹⁸. Впрочем, существует свидетельство, что, уступив общим требованиям, В. О. Каппель воспрепятствовал истязанию пленного, найдя убедительную мотивировку. Согласно воспоминаниям В. О. Вырыпаева, «некоторые начальники частей предлагали забить в общий гроб живого Мельникова и наших замученных добровольцев для отправки в Самару. Каппель категорически это отверг, сказав: „Он недостойн лежать в одном гробу с нашими добровольцами!“»¹⁹.

Декрет о первой мобилизации в Красную армию «в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов»²⁰ был издан уже через несколько дней после захвата г. Самары – 12 июня 1918 г. Вслед за первым призывом последовали другие. Крестьяне Поволжья неохотно записывались в советские войска (как и в Народную армию Комуча), избегая участия в военных действиях. В период боевых успехов Народной армии и чехословаков многие из принудительно мобилизованных советской властью красноармейцев были готовы сдаться в плен противнику. Этому мешал страх неминуемой расправы.

В. О. Каппель видел, что в войсках Красной армии возникло различие между идейными бойцами и мобилизованными крестьянами, не разбирающимися в политике и настроенными против участия в Гражданской войне. Многие из крестьян являлись жителями Поволжья, в чьей поддержке остро нуждалась Народная армия. Добровольцы Самарского отряда В. О. Каппеля вспоминали позднее, что командующий стал инициатором отмены репрессивных мер по отношению к солдатам Красной армии, без боя сложившим оружие. «Он был первым и, может быть, единственным тогда из военачальников, который считал „гражданскую войну“ особым видом войны, требующим применения не только орудий истребления, но и психологического воздействия. Он полагал, что отпущенные крас-

ноармейцы могли стать полезными, как свидетели того, что „белые“ борются не с народом, а с коммунистами»²¹.

По приказу В. О. Каппеля, добровольно сдавшихся в плен рядовых красноармейцев разоружали. Это распоряжение действовало уже в период следующей, после очищения от красных окрестностей Ставрополя Волжского в конце июня – начале июля, операции: рейда на Симбирск 17–22 июля 1918 г., в результате которого город был освобожден от советской власти. По воспоминаниям жителя Симбирска, эсера, депутата Учредительного собрания и впоследствии члена Комуча С. Н. Николаева, «отдельные красноармейцы, отставшие от своих частей или разбежавшиеся и попадавшие к „каппелевцам“ <...>, отпускались последними на волю по сдаче ими своего оружия»²².

Пощада ожидала не всех пленных. Поднявшие оружие против каппелевцев и принимавшие участие в бою красноармейцы подлежали уничтожению. Так, при взятии Симбирска, «стрелявшие из засады большевики-красноармейцы не имели пощады и расстреливались на месте. Случаев таких расстрелов, однако, было установлено очень мало»²³. Командиров и коммунистов предавали военно-полевому суду, который, как правило, приговаривал их к расстрелу. Не щадили и бывших офицеров, перешедших на службу к красным.

Личный состав Красной армии в 1918 г. был весьма разношерстным, и в рядах ее находилось немало уголовников и авантюристов, терроризировавших не только пленных врагов, но и мирное население. Сами большевики признавали, что «наряду с честными, самоотверженными идейными пролетарскими элементами, в армию явились любители авантюры и проходимцы»²⁴. Порой это становилось поводом для отказа мобилизованных большевиками крестьян поступать в красноармейские отряды.

Подобный случай был зафиксирован летом 1918 г. на одном из мобилизационных пунктов Казанской губернии. «Когда началась мобилизация и отправка по частям войск для пополнения Красной Армии, формирование новых частей, то мобилизованные заявили в один голос, что они в Красную Армию не пойдут, указывая на присутствие в ней „разбойников и бандитов“»²⁵.

В Поволжье творил неприкрытый произвол отряд бывшего коменданта Одесского железнодорожного узла И. К. Трофимовского, соратника советского главкома М. А. Муравьева, известного массовыми репрессиями на Украине в первые месяцы 1918 г. Под Казанью отряд И. К. Трофимовского, по воспоминаниям его товарищей, «несколько месяцев подряд приводил в ужас все

окрестное население своими реквизициями и бандитскими выходами»²⁶.

Во время Гражданской войны отрядов, занимавшихся вооруженным разбоем и имевших разнообразную политическую окраску, в стране действовало множество. В Красной армии с подобными явлениями, дискредитировавшими власть среди широких слоев населения, вскоре началась энергичная борьба: в августе 1918 г., по прибытии на Восточный фронт наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, под г. Казанью происходила «радикальная чистка частей от шкурников, дезертиров и провокационного элемента»²⁷, ставшая прологом будущим «чисткам» рядов в коммунистической партии, армии и во всех сферах деятельности государства.

Позднее советские публицисты пытались представить, будто уголовники наводняли войска противной стороны. В частности, об отрядах В. О. Каппеля писали, что они состояли «из кулацких элементов и разного деклассированного сброда»²⁸. Для того чтобы опорочить имя широко известного врага советской власти, использовались совершенно бездоказательные измышления: «Имея под своим началом разный сброд, включая и уголовников, для которых никаких моральных норм поведения не существовало, Каппель строил дисциплину в корпусе по принципу „воруй, но не попадайся, всегда помни: непойманный – не вор“. Солдаты хорошо усвоили этот „принцип“ и широко пользовались им, а господа офицеры покрывали любые бесчинства своих солдат. Скоро Каппель стал „родным отцом“ своих „воинов“ и „популярнейшим“ генералом»²⁹. О корпусе В. О. Каппеля, выросшем на основе действовавших под его началом подразделений Народной армии и впоследствии переформированном в 1-й Волжский армейский корпус, сообщалось, что «с первых же дней существования» (т. е., в 1918 г.) он «был поставлен в привилегированное положение»³⁰.

Как свидетельствуют документы, единственной «привилегией» отрядов В. О. Каппеля в 1918 г. было бессменное пребывание на фронте в течение семи месяцев, когда войска под его командованием не раз одерживали победы и останавливали напор превосходящих сил противника. После выдвижения на фронт в мае 1919 г. корпус также непрерывно вел боевую деятельность до разгрома Восточного фронта адмирала А. В. Колчака и отступления остатков его армий в Забайкалье.

Летом 1918 г. личный состав отрядов В. О. Каппеля включал представителей интеллигенции, офицеров («офицеров менее всего», – утверждали современники³¹), выпускников учебных заведений, учащейся молодежи:

студентов, юнкеров военных училищ, кадет и гимназистов старших классов. Качество добровольческих формирований, в которых под его командованием сражались также крестьяне – русские, татары и башкиры – и даже небольшое количество рабочих, было достаточно высоким. Неслучайно и в сентябре 1919 г., исследовав моральное состояние Волжской группы генерал-майора В. О. Каппеля (с входящим в нее 1-м Волжским армейским корпусом), колчаковская контрразведка констатировала: «Культурный уровень офицеров и солдат Волжской группы, в особенности в артиллерийских частях, более чем удовлетворителен; офицерский состав изобилует студентами, стрелковые части имеют в себе лиц со средним образованием...»³².

Гражданская война в России велась с участием иностранных граждан. Антисоветские силы в Поволжье летом 1918 г. опирались на дивизии чехословацкого корпуса и сербские национальные части. Однако эти подразделения начали борьбу лишь в конце весны, в отличие от Рабоче-Крестьянской Красной армии, которая с первых дней существования включала значительное число интернационалистов. Интернациональные полки действовали в составе всех советских армий; в совокупности они насчитывали десятки тысяч человек. Массовое участие иностранцев в Гражданской войне в России, которое в советское время провозглашалось «высшей формой международной пролетарской солидарности»³³, сыграло весьма негативную роль в судьбе российского государства и народов, его населяющих.

В 1918 г. коммунисты стояли перед нараставшей для их диктатуры угрозой, а реальными вооруженными силами после разрушения русской армии в 1917 г. они не располагали. Большевики использовали иностранных наемников в тот период, когда не обладали реальной властью. Таким образом, вмешиваясь в ход Гражданской войны, интернациональные войска меняли реальную расстановку сил в стране, насаждали и укрепляли советскую власть на местах, служили разжиганию братоубийственной розни. Они не только участвовали в боевых действиях, но и успешно подавляли восстания, осуществляли карательные функции против мирного населения России. Участие иностранных граждан в Гражданской войне явилось одной из причин победы в ней красных.

Воевавший на стороне «белых» генерал-майор С. Н. Войцеховский, который в своем дневнике непременно фиксировал факты пребывания военнопленных мадьяр и немцев на советской службе, после захвата чехословацкой дивизией в ночь с 26 на 27 мая 1918 г. Екатеринбург

бурга, оставил запись о том, что окруженный в казармах и взятый в плен советский гарнизон города, два полка, целиком состоял из них: «около 2 тыс. одних военнопленных»³⁴. Донесение В. О. Каппеля в главный штаб после боя под Сызранью 10 июля 1918 г. свидетельствовало: «Захваченные пленные принадлежали к интернациональным батальонам из латышей, мадьяров, немцев и китайцев. Пулеметчики и артиллеристы были немцы»³⁵. Подобных документов, особенно первого периода Гражданской войны, можно привести немало.

К интернационалистам отношение у «белых» было особым: их убивали без жалости. В. О. Вырыпаев вспоминал, что при взятии Казани 7 августа 1918 г. военно-полевым судом были приговорены к расстрелу «как иностранцы, взявшиеся не за свое дело»³⁶, до 350 сдавшихся в плен военнослужащих 5-го латышского полка. Столь же беспощадно относились в Красной армии к чехословакам, воевавшим на стороне антисоветских правительств. Например, один из советских участников событий в Казани вспоминал: «Привели человека, которого сняли с лошади и разоружили на Рыбнорядской или Георгиевской улице. Подозревая в нем чеха, без допроса его увели в сад для расстрела»³⁷.

Меры по отмене репрессий в отношении военнопленных красноармейцев, проводимые В. О. Каппелем во вверенных ему частях Народной армии, после захвата Казани получили более широкое воплощение. Об этом управляющему Военным ведомством Комуча Н. А. Галкину доложил сам В. О. Каппель. В соответствии с докладом, он – командующий силами Народной армии, уполномоченные Комуча В. И. Лебедев и Б. К. Фортунатов, а также командующий чехословацкими частями А. П. Степанов обратились с воззванием к красноармейцам, обещая сдавшимся в плен сохранение жизни. Воззвание, вероятно, было выпущено не позднее 8 августа, так как в этот день В. О. Каппель покинул Казань и направился под Симбирск, где боевая обстановка резко осложнилась.

В середине августа, во время боев в окрестностях Симбирска, В. О. Каппель уже от своего имени обнародовал призыв к солдатам противника, убеждая их сдаваться в плен и обещая, что они не только не подвергнутся расстрелу, но не последует и принуждения их к участию в боевых действиях в рядах Народной армии.

Результаты обращения, по донесению В. О. Каппеля, сказались немедленно: случаи сдачи красноармейцев в плен участились, и это явление обещало принять массовый характер. С целью придать ему форму официальной, идущей от имени главного командования, акции,

увеличить его масштаб, а также предугадывая трудности, которые должны возникнуть в связи с размещением больших масс военнопленных в прифронтовом районе, в рапорте на имя управляющего военным ведомством Комуча полковника Н. А. Галкина В. О. Каппель убеждал: «Сдавшихся в плен без боя нет оснований и возможности привлекать <к> уголовной ответственности, тем более что им в моем воззвании обещано возвращение к мирной жизни. Вместе с тем нецелесообразно вводить красноармейцев <в> ряды Народной армии или оставлять <в> прифронтовой полосе. Полагаю необходимым отправлять сдавшихся без боя красноармейцев <в> глубокий тыл для использования их рабочей силы. Жду срочных распоряжений в целях освобождения Симбирска <от> обременяющего фронт элемента»³⁸.

Этот рапорт был отправлен В. О. Каппелем командованию 18 августа, и в тот же день, за подписью командующего войсками Поволжского района полковника С. К. Чечека, по телеграфу было передано, для распространения во всех общественных и правительственных организациях, воззвание, сообщающее, что «все граждане, насильно мобилизованные комиссарами советской власти и призванные в ряды разбойников, насильников и грабителей, именующих себя красноармейскими войсками, могут смело переходить с оружием и обмундированием на сторону войск Народной армии Всероссийского Учредительного собрания, ибо они будут встречены как друзья, как братья, а не как враги»³⁹.

Таким образом, инициатива прекращения практики расстрелов военнопленных исходила непосредственно от Владимира Оскаровича Каппеля, сумевшего убедить в ее целесообразности руководителей Военного ведомства и командование Поволжского фронта Комуча.

Во время Гражданской войны, особенно в начальный период событий, многим ее участникам казалось, что количество уничтоженных врагов является залогом победы. Отдавая приказы о расстрелах, сожжении деревень, бывшие царские офицеры считали, что «это обычно на войне и в борьбе так делается...»⁴⁰. Далеко не все военачальники «белых» признавали, какую важную роль в успехе антисоветского сопротивления играет поддержка населения, вовлеченного в войну и, часто не по своей воле, сражавшегося в войсках противоборствующего лагеря.

В. О. Каппель, в отличие от многих, понимал, что в Гражданской войне «так или иначе принимает участие все население»⁴¹. Он одним из первых признал необходимым отменить репрессии по отношению к тем военнопленным, кто уча-

ствует в военных действиях неосознанно, и побуждал командование сохранять им жизнь. Несомненно, «здесь большую роль играл политический расчет, так как в условиях Гражданской войны поддержка населения являлась очень значимой»⁴².

Продуманной являлась и точка зрения В. О. Каппеля на использование военнопленных, согласно которой, целесообразнее было бы не зачислять их в ряды антисоветских армий, а отправлять в тыл для мирного труда, так как укомплектование войск пленными красноармейцами служит ослабляющим боеспособность фактором. Отсутствие у многих представителей антисоветского командования подобной политической гибкости, дальновидности (и, не в последней степени, милосердия) стало одной из причин поражения «белых» в Гражданской войне.

Примечания

¹ Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт ист. след. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. С. 243–244.

² С-кий Д. Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. М.: Лит.-изд. отдел Политуправления РВС Республики, 1920. С. 113.

³ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 25 об.

⁶ С-кий Д. Указ. соч. С. 113.

⁷ Вырыпаев В. О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: НП Посев, 2007. С. 244.

⁸ Там же. С. 244.

⁹ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 11. Л. 33–33 об.

¹⁰ Вольский Владимир Казимирович (1877–1937) – председатель Комуча (июнь – сентябрь 1918).

¹¹ Лебедев В. И. От Петрограда до Казани // Воля России. Прага, 1928. № 8/9. С. 112.

¹² С-кий Д. Указ. соч. С. 113.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.

¹⁵ Вырыпаев В. О. Указ. соч. С. 303.

¹⁶ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в

гражданскую войну. М.: Изд. воен. тип. упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. С. 77.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 14.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Вырыпаев В. О. Указ. соч. С. 244–245.

²⁰ Ненароков А. П. Восточный фронт: 1918. М.: Наука, 1969. С. 175.

²¹ Гинс Г. К. Незабвенный патриот и подвижник: памяти генерала В. О. Каппеля // Возрождение. Париж, 1971. № 232, май. С. 94.

²² Николаев С. Народная армия в Симбирске // Воля России. Прага, 1928. № 10/11. С. 123.

²³ Там же.

²⁴ Строительство Красной армии: сб. ст. к Съезду Советов. М.: Госиздат, 1919. С. 4.

²⁵ Терехин В. Красная Армия в Казани с момента ее формирования до налета чехов // Борьба за Казань. Казань: Изд. Комбината Изд-ва Печати, 1924. № 1. С. 28.

²⁶ Лацис. Четыре месяца в Казани и под Казанью // Там же. С. 7.

²⁷ Подгорецкий К. Борьба за Казань: август – сентябрь 1918 г. // Сборник трудов ВНО при военной академии. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. Кн. 3. С. 26.

²⁸ Борьба за власть Советов в Кустанайских степях. Кустанай: Отд. пропаганды и агитации Кустан. обкома КП Казахстана, 1959. С. 118.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ ГАРФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 об.

³² Последние дни колчаковщины. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 52.

³³ Ненароков А. П. Указ. соч. С. 227.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 772. Л. 25.

³⁵ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

³⁶ Вырыпаев В. О. Указ. соч. С. 254.

³⁷ Мазунин В. До и во время чехов (Казань–Арск) // Борьба за Казань. С. 48.

³⁸ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 8. Л. 53 об.

³⁹ Там же. Л. 63.

⁴⁰ Допрос Колчака: протоколы заседаний Чрезвычай. Следств. Комис. // Окрест Колчака: док. и материалы. М.: Аграф, 2007. С. 495.

⁴¹ Вырыпаев В. О. Указ. соч. С. 254.

⁴² Волков Е. В. Указ. соч. С. 99.